

ДЖОРДЖ ГОРДОН
БАЙРОН

ЧАЙЛЬД ГАРОЛЬД

Джордж Байрон
Чайльд Гарольд

Байрон Д. Г.

Чайльд Гарольд / Д. Г. Байрон — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

«Чайльд Гарольд» — восхитительная поэма, которая принесла небывалую славу ее творцу — великому английскому поэту Джорджу Байрону (англ. George Noel Gordon Byron, 1788 – 1824).***Это произведение написано после длительного путешествия поэта по странам Средиземноморья. Чайльд Гарольд — молодой человек, уставший от беззаботной жизни и постоянного веселья, отправляется в дальнее странствие на поиски приключений. Другими известными произведениями лорда Байрона являются «Каин», «Паризина», «Марино Фальеро», «Корсар», «Беппо», «Шильонский узник», «Лара», «Мазепа». Джордж Гордон Байрон считается символом европейского романтизма, «Прометеем нового времени». В творчестве этой загадочной личности пессимизм и мотивы «мировой скорби» удивительным образом сочетаются со свободолобием и революционным духом. Его произведения переведены на многие языки мира и уже несколько веков продолжают покорять сердца читателей.

© Байрон Д. Г.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОЙ И ВТОРОЙ ПЕСНЕ	5
К ИАНТЕ[9]	8
ПЕСНЬ ПЕРВАЯ	10
ПРОЩАНИЕ ЧАЙЛЬД-ГАРОЛЬДА	15
Конец ознакомительного фрагмента.	41

ДЖОРДЖ БАЙРОН ЧАЙЛЬД-ГАРОЛЬД

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОЙ И ВТОРОЙ ПЕСНЕ

«L'univers est une espèce de livre, dont on n'a lu que la première page quand on n'a vu que son pays. J' en ai feuilleté un assez grand nombre, que j'ai trouvé également mauvaises. Cet examen ne m'a point été infructueux. Je haïssais ma patrie. Toutes les impertinences des peuples divers, parmi lesquels j'ai vécu, m'ont réconcilié avec elle. Quand je n'aurais tiré d'autre bénéfice de mes voyages que celui, je n'en regretterais ni les frais ni les fatigues».
Le Cosmopolite.¹

Нижеследующая поэма была написана большею частью среди той природы, которую она пытается описать. Она начата была в Албании, а все относящееся к Испании и Португалии составлено по личным впечатлениям автора, вынесенным из пребывания его в этих странах – вот что следует установить относительно верности описаний. Пейзажи, которые автор пытается обрисовать, находятся в Испании, Португалии, Эпире, Акарнании² и Греции. На этом поэма пока останавливается: по приему, оказанному ей, автор решит, следует ли ему повести за собой читателей далее, в столицу Востока,³ через Ионию и Фригию;⁴ настоящие две песни написаны только в виде опыта.

Для того чтобы придать поэме некоторую связность, в ней изображен вымышленный герой – лицо, совершенно не претендующее, однако, на выдержанность и цельность. Мне сказали друзья, мнением которых я очень дорожу, что меня могут заподозрить в намерении изобразить в «Чайльд-Гарольде» определенное, существующее в действительности лицо; в виду этого, я считаю своим долгом раз навсегда опровергнуть такое предположение: Гарольд – дитя воображения, созданное указанной мною целью. Некоторые мелкие подробности, чисто местного характера, могут дать повод к такому предположению, но в целом я, надеюсь, не дал никакого основания для подобного сближения.

Считаю почти лишним указать на то, что название «Чайльд»⁵ в именах «Чайльд-Ватерс», «Чайльд-Чильдерс» и т. д. я употребляю потому, что оно соответствует старинной форме стихосложения, избранной мною для поэмы. Песня «Прости» (Good Night) в начале первой песни, навеяна песней «Lord Maxwell's Good Night» в Border Minstrelsy, сборнике, изданном г. Скоттом.

¹ Мир подобен книге, и тот, кто знает только свою страну, прочитал в ней лишь первую страницу. Я же перелистал их довольно много и все нашел одинаково плохими. Этот опыт не прошел для меня бесследно. Я ненавидел свое отечество. Варварство других народов, среди которых я жил, примирило меня с ним. Пусть это было бы единственной пользой, извлеченной мною из моих путешествий, я и тогда не пожалел бы ни о понесенных расходах, ни о дорожной усталости. *Космополит (франц.)*. В качестве эпиграфа к песням первой и второй поэмы Байрон взял вступительные строки из книги французского писателя и путешественника Фужере де Монбрана (?-1761) «Космополит, или Гражданин мира», Лондон, 1753.

² Эпир, Акарнания – западная часть Греции.

³ Столица Востока. – Байрон имеет в виду столицу Османской империи г. Стамбул.

⁴ Иония, Фригия – в Древней Греции западная и северо-западные области Малой Азии.

⁵ В XIII и XIV столетиях слово child означало юношу благородного происхождения, ожидающего посвящения в рыцарство (так, напр., в романах об Ипомидоне, сэре Триамуре и др.). Старинные английские писатели часто употребляют его как титул; в поэме Спенсера «Царица фей» так постоянно называется принц Артур. Байрон употребляет это слово в спенсеровском смысле, как благородного юноши.

В первой песне, где говорится об Испании, могут встретиться некоторые незначительные совпадения с различными стихами, написанными на испанские сюжеты, но совпадения эти только случайные, так как, за исключением нескольких заключительных строф, вся эта часть поэмы была написана на Востоке.

Спенсеровская строфа, как это доказывает творчество одного из наших наиболее чтимых поэтов, допускает самое разнообразное содержание. Д-р Беатти говорит по этому поводу следующее: – «Недавно я начал писать поэму в стиле Спенсера и его размером, и собираюсь дать в ней полную волю своим настроениям, быть или комичным или восторженным, переходить от спокойно описательного тона к чувствительному, от нежного к сатирическому – как вздумается, потому что, если я не ошибаюсь, избранный мною размер одинаково допускает все роды поэзии». Находя подтверждение себе у такого авторитетного судьи и имея за себя пример некоторых величайших итальянских поэтов, я не считаю нужным оправдываться в том, что ввел подобное же разнообразие в мою поэму; и если мои попытки не увенчались успехом, то в этом следует винить только неудачное выполнение замысла, а не строение поэмы, освященное примерами Ариосто, Томсона и Беатти.

Лондон, февраль 1812 года.

Дополнение к предисловию

Я выждал, пока большинство наших периодических изданий посвятило мне обычное количество критических статей. Против справедливости большинства отзывов я не имею ничего возразить: мне было бы не к лицу спорить против легких осуждений, высказанных мне, потому что, в общем, ко мне отнеслись более доброжелательно, чем строго. Поэтому, выражая всем и каждому благодарность за снисходительность ко мне, я решаюсь сделать несколько замечаний только по одному пункту. Среди многих справедливых нападков на неудовлетворительность героя, «странствующего юного рыцаря» (я продолжаю настаивать, наперекор всем противоположным намекам, что это вымышленное лицо), указывалось на то, что помимо анахронизма, он еще к тому же совершенно не похож на рыцаря, так как времена рыцарства были временами любви, чести и т. д. Но дело в том, что доброе старое время, когда процветала «l'amour du bon vieux temps, l'amour antique», было самым разнузданным из всех веков. Те, кто в этом сомневаются, пусть прочитают Сент-Палэ (Sainte Palaye), *passim*, и в особенности том II-й.⁶ Обеты рыцарства не более соблюдались тогда, чем всякие обеты вообще, а песни трубадуров были не более пристойны и во всяком случае гораздо менее изысканы по тону, чем песни Овидия. В так называемых «*cours d'amour, parlemens d'amour ou de courtoisie et de gentillesse*» любви было больше, чем учтивости или деликатности. Это можно проверить по Роланду, также как и по Сент-Палэ. Можно делать какие угодно упреки очень непривлекательному Чайльд-Гарольду, но во всяком случае он был настоящим рыцарем по своим качествам – «не трактирный слуга, а рыцарь-тэмплиер». Кстати сказать, я боюсь, что сэр Тристан и сэр Ланселот были тоже не лучше, чем их современники, хотя они и очень поэтичны, и настоящие рыцари «без страха», хотя и не «без упрека». Если история об основании ордена подвязки не басня, то рыцари этого ордена носили в течение многих веков знак памяти о какой-нибудь графине Саллюсбюри, известность которой довольно сомнительна. Вот что можно сказать о рыцарстве. Бёрку нечего было жалеть о том, что рыцарские времена прошли, хотя Мария Антуанета была

⁶ «Сент-Палэ в разных местах, особенно же в т. II, стр. 69». *Mémoires sur l'ancienne chevalerie*, par M. de la Curne de Sainte Palaye, P. 1781, II, 69: «Прочтите в романе о Жерарде Руссильонском, на провансальском языке, весьма обстоятельное описание приема, оказанного графом Жерардом посланнику короля Карла; вы найдете там замечательные подробности, дающие странное представление об этой эпохе, столь же развращенной, как и невежественной».

столь же целомудренна, как большинство тех, в чью честь ломались копья и сшибались с коней рыцари.

Еще до времен Баярда⁷ и до поры сэра Иосифа Банкаса (самого целомудренного и самого знаменитого рыцаря древних и новых времен) мало найдется исключений из этого общего правила, и я боюсь, что несколько более тщательное изучение того времени заставит нас не жалеть об этом чудовищном надувательстве средних веков.

Я предоставляю теперь «Чайльд-Гарольда» его судьбе таким, каков он есть. Было бы приятнее и, наверное, легче изобразить более привлекательное лицо. Нетрудно было бы затушевать его недостатки, заставить его больше действовать и меньше выражать свои мысли. Но он не был задуман, как образец совершенства; автор хотел только показать в его лице, что раннее извращение ума и нравственного чувства ведет к пресыщению минувшими удовольствиями и к разочарованию в новых, и что даже красоты природы и возбуждающее действие путешествий (за исключением честолюбия, самого сильного стимула) не оказывают благотворного действия на такого рода душу, – или вернее на ум, направленный по ложному пути. Если бы я продолжил поэму, то личность героя, приближаясь к заключению, была бы углублена, потому что, по моему замыслу, он должен был бы, за некоторыми исключениями, стать современным Тимонем или, быть может, опоэтизированным Зелуко.⁸

⁷ Баярд Пьер дю Терайль (1476–1524) – французский полководец; с течением времени образ Баярда утратил свои реальные черты, воплотив в себе отвлеченный идеал рыцаря.

⁸ Зелуко – ожесточенный и нравственно опустошенный герой одноименного романа английского писателя Джона Мура (1729–1802).

К ИАНТЕ⁹

Средь дальних странствий взор мой привлекали
Красавиц чуждых дивные черты,
И в легком сне ко мне порой слетали
Воздушные создания мечты:
Всех прелестью живой затмила ты.
Не рассказать мне слабыми устами
О нежных чарах юной красоты.
Ты у одних – сама перед глазами,
Других лишь обману я бледными строками.
Когда б всегда осталась ты такой.

Сдержав весны цветущей обещанье!
Прекрасная и телом и душой, —
Ты на земле самой любви мерцанье,
Невинная, как юное мечтанье...
Для той, что нежный рост твой сторожит,
Ты – словно чистой радуги сиянье...
Та радуга ей счастье сулит,
Пред красками ее далеко скорбь бежит.

О, пери Запада! Доволен я судьбою:
Ты молода, мне ж вдвое больше лет.
Бестрепетно люблюсь я тобою,
Иной любви огня во взорах нет.
Я не увижу, как завянет цвет
Твоей красы. Не стану я склоняться
Средь жертв твоих бесчисленных побед.
Не будет сердце кровью обливаться.
Ведь без страдания часы любви не длятся...

Как взгляд газели – взгляд твоих очей,
То робок он, то смелостью сверкает;
То манит он к себе сердца людей,
То красотой глаза их ослепляет.
Пусть же он по строкам тем блуждает,
Пусть улыбка, прелести полна,
В нем промелькнет... Пусть сердце не узнает,

⁹ Ианта («цветок нарцисса») – критская девушка, невеста Ифиса (Овид., *Метаморф.*, IX, 714). Может быть, под влиянием байроновского посвящения имя Ианты явилось в поэме Шелли «Царица Маб» (1812, 1813); это же имя Шелли дал и своей старшей дочери (миссис Эдэйль, род. 1813, ум. 1876). Посвящение относится к 13-летней Шарлотте Мери Гарлей, второй дочери Эдуарда, графа Оксфордского и Мортимерского. Она род. в 1801 г., а в 1823 вышла за капитана, впоследствии генерала, Антони Бэкона (ум. 1864), который вместе с «молодым, лобезным Говардом» (см. Чайльд-Гарольд, III, XXIX) участвовал в последней, роковой атаке Ватерлоо. Леди Шарлотта Бэкон ум. 9 мая 1880 г. Байрон познакомился с нею, вероятно, при посещении ее родителей в Гирфордшире, в октябре – ноябре 1812 г. По просьбе Байрона, известный художник Ричард Вэстоль нарисовал воспроизведенный в настоящем издании прелестный портрет девушки; гравюра с портрета приложена была к изданию первых двух песен «Ч.-Гарольда» (1813), но без имени Шарлотты.

Зачем тебе та песнь посвящена,
Но лилия в венок мой будет вплетена.

Что имя Ианты труд мой вдохновляло
Читатели Гарольда моего
Все будут знать: оно стоит сначала,
Его в конце забыть трудней всего...
Разбитой лиры друга своего,
Чья песнь теперь восторгом пламенеет,
Потом коснись, – и больше ничего
Моя надежда ожидать не смеет.
Ужели дружба прав на это не имеет?...

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

I.

В Элладе ты слыла неборожденной,
О муза, дочь певцов! Так много лир
С тех пор терзало слух твой утомленный,
Что не дерзну я твой нарушить мир...
Хоть видел я твой храм – обломки зданья¹⁰
И твой ручей, что прерывал один
Забытых мест глубокое молчанье,
Чтоб скромное вести повествованье,
Покой усталых муз тревожить нет причин.

II.

Жил юноша в Британии когда-то,
Который добродетель мало чтит;
Он дни свои влачил в сетях разврата
И ночи за пирами проводил;
Увы, разгул был для него кумиром;
Лишь пред пороком он склонялся ниц
И, презирая то, что чтится миром,
Доволен был лишь оргией иль пиром,
В кругу развратников и в обществе блудниц.

III.

Пред вами Чайльд-Гарольд.¹¹ Я не намерен

¹⁰ В подлиннике определенно назван Дельфийский храм. «Деревушка Кастри стоит частью на месте Дельф. Вдоль горной тропинки, идущей от Криссо, находятся остатки могил, высеченных в скале или из камня. «Одна из них», говорил проводник, – «могила царя, сломавшего себе шею на охоте». Конечно, его величество выбрал самое подходящее место для такой кончины. Несколько выше Кастри находится пещера, но преданию – пещера Пифии, огромной глубины; верхняя часть ее вымощена и теперь служит коровником. На другой стороне Кастри стоит греческий монастырь; несколько выше него находится расщелина в скале, с рядом пещер, доступ к которым затруднителен, ведущая, по-видимому, во внутрь горы, – вероятно, к Корикийской пещере, упоминаемой у Павзания. Отсюда берет начало источник и «Кастальская роса». (прим. Байрона). Байрон и Гобгоуз ночевали в Криссе 15 декабря 1809 г. и на другой день посетили Дельфы. «Мы были орошены», говорит Гобгоуз, «брызгами бессмертного ручья, и здесь более, чем где-либо, должны были бы почувствовать поэтическое вдохновение; мы напились также и из самого источника, но – по крайней мере, я говорю о себе – не почувствовали ничего необыкновенного».

¹¹ В первоначальной редакции поэмы герой ее носил имя Childe Burun (Чайльд-Бэрон), которым как бы подчеркивалось автобиографическое значение этого произведения. В стихе: Но всякое преступное деянье Потомка загрязняет предков честь. заключается указание на одно событие из семейной хроники Байронов. Дед поэта, Вильям, пятый лорд Байрон, смертельно ранил своего родственника Ча(э)ворта на поединке без свидетелей в одной из лондонских таверн (1765). Он был

Поведать вам, откуда вел он род;
Но этот род был знатен, чести верен
И заслужил в былые дни почет;
Но всякое преступное деянье
Потомка загрязняет предков честь
И обелить его не в состояньи
Ни летописца древнее сказанье,
Ни речь оратора, ни песнопевца лесть.

IV.

Кружился в свете он, как на просторе
Кружится мотылек среди лучей;
Не мог предвидеть он, что злое горе
Его сразит неожиданно в цвете дней;
Но вот година тяжкая настала:
Узнал он пресыщенье, а оно,
Как чаша бед, приносит мук не мало.
В краю родном Гарольду тесно стало;
Так в келье схимнику и душно, и темно.

V.

Грехов не искупая, он стезею
Преступной шел. Красивых слава жен,
Гарольд был очарован лишь одною,¹²
Но с ней, увы! не мог сойтися он...
Как счастливо, что ласкою разврата
Не запятнал он светлый свой кумир:
Измена за любовь была бы платой.
Жену б он разорил безумством траты
И вынести бы не мог семейной жизни мир.

VI.

Пресыщен всем, утратив счастья грезы,

признан виновным в предумышленном убийстве, но, во внимание к его званию лорда, оставлен на свободе. Среди местных жителей он был известен под прозвищем «нечестивого лорда», и о нем ходило много рассказов, правдивых и выдуманных, изображавших его в дурном свете. Он умер в Ньюстэде в 1798 г.

¹² Мэри Чаворт, о которой еще не раз будет речь. Ср. «Стансы к одной даме, при отъезде из Англии», «Сон» и биографию Байрона. Мэри-Анна Чаворт, внучка Чаворта, убитого в поединке лордом Вильямом Байроном в 1765 г., вышла замуж, в августе 1805 г., за Джона Местерса. Она умерла в феврале 1832 г.

Он видеться с друзьями перестал;
В его глазах порой сверкали слезы,
Но гордый Чайльд им воли не давал.
Объят тоской, бродил он одиноко,
И вот решился он свой край родной
Покинуть, направляясь в путь далекий;
Он радостно удар бы встретил рока
И скрылся б даже в ад, ища среды иной.

VII.

Покинул Чайльд-Гарольд свой замок старый;
Под гнетом лет, казалось, рухнет он,
Его ж щадили времени удары:
Держался он массивностью колонн.
Там некогда монахи обитали,¹³
Теперь же суеверия приют
Театром стал пафосских сатурналий;
Могли б подумать старцы, что настали
Их времена опять, коль хроники не лгут.

VIII.

Порою, словно тайну вспоминая,
Измену иль погибшую любовь,
За пиршеством, немую скорбь скрывая,
Сидел Гарольд, сурово хмуря бровь;
Но тайной оставалась тревога
Его души; друзьям он не вверял
Заветных дум и шел своей дорогой,
Советов не прося; страдал он много,
Но в утешениях отрады не искал.

IX.

Хоть он гостей сзывал к себе не мало

¹³ При прежнем владельце Ньюстада в озере найден был медный орел, внутри которого, в числе разных документов, оказалась жалованная грамота Генриха V, дающая «полное прощение за все преступления, совершенные монахами ранее 8-го минувшего декабря, за исключением убийств, если таковые совершены были после 19-го ноября». Монахи были постоянным источником разного рода забав для ньюстэдских «кутил». Френсис Годжсон насмешливо вспоминает о них в стихах «На развалинах аббатства в романтической местности»: «Утренний колокол, глухо раздаваясь в лесной просеке, уже не станет вызывать жирного аббата из его сонной кельи, предупреждая девицу (если только девица была там), что ей пора бежать», и пр.

На пиршества, все ж не имел друзей;¹⁴
Льстецов и паразитов окружала
Его толпа; но можно ль верить ей?
Его любили женщины, как мота:
Сокровища и власть пленяют жен
(При золоте метка стрела Эрота);
Так рвутся к свету бабочки; оплота
Там ангел не найдет, где победит Мамон.

Х.

Гарольд не обнял мать, пускаясь в море,
С любимую сестрой в отъезда час
Не виделся;¹⁵ души скрывая горе,
Уехал он, с друзьями не простясь;
Не потому он избегал свиданья,
Что был и тверд, и холоден, как сталь,
Нет! Кто любил, тот знает, что прощанья
Усугубляют муку расставанья...
Лишь горестней нестись с разбитым сердцем в даль.

ХІ.

Богатые владенья, замок старый
Покинул он без вздохов и без мук,
Голубооких дам, которых чары,
Краса кудрей и белоснежных рук
Могли б легко отшельника святого
Ввести в соблазн, – все то, что пищу дать
Порывам сладострастия готово...
Ему хотелось мир увидеть новый
И, посетив Восток, экватор миновать.¹⁶

¹⁴ В изображении одиночества Ч.-Гарольда, покинутого друзьями, отразилась одна подробность из личной жизни Байрона: старый школьный товарищ отказался провести с ним последний день перед отъездом его в путешествие, повинившись в письме, что он обещал своей матери и нескольким дамам пойти с ними по магазинам. Это был, по всей вероятности, лорд Делавар. «О, дружба!» говорил Байрон Далласу. «Я не верю, чтобы здесь остался кто-нибудь, кроме вас и вашей семьи, да еще, может быть, моей матери, кто бы беспокоился обо мне». Впрочем, по замечанию Чарльза Лэмба, Байрона нельзя понимать слишком буквально. Конечно, он был огорчен поступком товарища, и впоследствии, с целью усилить трагическое положение Ч.-Гарольда, придал этому частному случаю общее значение.

¹⁵ В одной из зачеркнутых строф прощания Ч.-Гарольда (см. ниже) он жалуется, что не видел сестры своей «уж более трех лет». Августа Байрон (род. в январе 1783, ум. в ноябре 1851), единокровная сестра поэта, по смерти своей воспитательницы-бабушки, графини Гольдернес, жила с детьми своей матери, леди Чичестер и герцогом Лидсом, иногда же гостила у своего двоюродного брата, графа Карлейля, и в семье генерала Гаркорта. В 1807 г. она вышла за своего родственника, драгунского полковника Джорджа Ли (Leign). С конца 1805 г. Байрон находился с нею в более или менее постоянной переписке, но личных свиданий между ними не было.

¹⁶ «На ваше замечание о выражении: «Central line (центральная линия, т. е. экватор) я могу ответить только, что до отъезда своего из Англии Ч.-Гарольд имел твердое намерение проехать в Персию и вернуться через Индию, чего он не мог бы сделать,

ХІІ.

Надулись паруса; как будто вторя
Его желаньям, ветер резче стал;
Поплыл корабль, и скоро в пене моря
Бесследно скрылся ряд прибрежных скал.
Тогда в душе Гарольда сожаленье
Проснулось, может быть; но ничего
Он не сказал и скрыл свое волненье,
Он твердым оставался в то мгновенье,
Как малодушный плач звучал вокруг него.

ХІІІ.

В вечерний час, любуясь закатом,
Он арфу взял; под бременем тревог
Любил он волю дать мечтам крылатым,
Когда никто внимать ему не мог;
И вот до струн коснувшись рукою,
Прощальную он песню затянул,
В то время, как корабль, в борьбе с волною,
Катился в даль, и, одеваясь тьмою,
Его родимый край в пучине вод тонул.

не пересекая экватора», писал Байрон Далласу 7 сент. 1811. О своем намерении поехать в Персию в марте или не позже мая 1809 г. Байрон говорит в письме к матери от 7 октября 1808 г.

ПРОЩАНИЕ ЧАЙЛЬД-ГАРОЛЬДА

1.

Прости! Родимый берег мой
В лазури тонет волн;
Бушует ветер, ревет прибой;
Крик чайки грусти полн.
В пучине солнце гасит свет;
За ним нам вслед идти;
Обоим вам я шлю привет!
Мой край родной, прости!

2.

Нас ослепит зари краса,
Лишь мир простится с тьмой;
Увижу море, небеса,
Но где ж мой край родной?
Мой замок пуст; потух очаг;
Весь двор травой зарос;
Уныло воеет в воротах
Покинутый мной пес...

3.

– Малютка паж!¹⁷ под гнетом дум
Ты плачешь, горя полн;
Тебя страшит ли ветра шум,
Иль грозный ропот волн?
Не плачь! Корабль надежен мой...
Он быстро мчится в даль,
За ним и сокол наш лихой
Угонится едва ль.

¹⁷ Это был Роберт Руштон, сын одного из ньюстэдских фермеров. «Роберта я возьму с собой», писал Байрон матери, перед отъездом, из Фальмута, 22 июня 1809 г. «я его люблю, потому что и у него, как и у меня, кажется, вовсе нет друзей. Скажите г. Руштону, что сын здоров и ведет себя хорошо». Однако мальчик так затосковал по родине, что Байрону пришлось уже из Гибралтара отправить его домой, под наблюдением старого слуги Джозефа Муррея, который провожал Байрона до этого пункта. При этом Байрон написал отцу Роберта письмо, в котором очень хорошо отозвался о поведении мальчика и назначил на расходы по его воспитанию 25 ф. в год на три года.

4.

«Пускай бушует шквал, ревя, —
Я бури не боюсь!
Но не дивись, сэр Чайльд, что я
И плачу и томлюсь.
С отцом и с матерью родной
Расстаться ль без тревог?
Моей опорой одной
Остались ты да Бог!

5.

Благословил отец меня,
Но слезы мог сдержать;
Пока ж не возвращуся я,
Все будет плакать мать».
– Пусть скорбь мрачит твои черты.
Дитя! когда б я был
Душой невинной чист, как ты,
И я бы слезы лил.

6.

Ты бледен, верный мой слуга,¹⁸
Тебя печаль гнетет...
Боишься ль встретить ты врага,
Боишься ль непогод?
– «О, нет, я с страхом незнаком,
Он чужд душе моей;
Но жаль жены; покинув дом,
Я все скорблю о ней.

¹⁸ Слуга Байрона Вильям Флетчер. Он служил поэту 20 лет, ухаживал за ним во время его предсмертной болезни и привез его останки в Англию. Байрон нередко подшучивал над своим верным «йоменом». Так, напр., в одном из писем к матери он говорит: «Флетчер не из храброго десятка; он требует таких удобств, без которых я могу обойтись, и постоянно вздыхает о пиве, говядине, чае, о своей жене и черт знает, о чем еще. Однажды ночью мы были захвачены грозой, а в другой раз чуть не потерпели кораблекрушения. В обоих случаях он совершенно растерялся: в первый раз – от страха голода и бандитов, а во второй – от страха утонуть. Глаза у него немного распухли, – не то от молнии, не то от слез, не знаю, отчего. Я всячески старался его утешить, но он оказался неисправным. Он посылает шесть вздохов своей Салли (Саре, жене). Я поселю его на ферме: он был мне верным слугой, и Салли – хорошая женщина». Впоследствии, после разных приключений на суше и на море, Флетчер открыл в Лондоне «итальянскую» лавочку.

7.

Она близ замка твоего
Живет; что ей сказать,
Коль дети спросят, отчего
С отцом в разлуке мать?»
– Ты прав; понятна скорбь твоя,
Мне ж ничего не жаль...
Не так душою нежен я
И мчусь со смехом в даль.

8.

Коварным вздохам лживых жен
Возможно ль верить? Нет!
Измена, что для них закон,
Их слез смывает след.
Я не тужу о дне былом
И не страшуся гроз.
Больней всего, что ни о чем
Не стоит лить мне слез.¹⁹

9.

Я одинок; средь волн морских
Корабль меня несет;
Зачем мне плакать о других:
Кто ж обо мне вздохнет?
Мой пес, быть может, два, три дня
Повоет, да и тот,
Другим накормленный, меня
Укусит у ворот.²⁰

¹⁹ «Я покидаю Англию без сожаления, и вернусь туда без радости», писал Байрон Годжсону из Фальмута, 25 июня 1809. «Я похож на Адама, – первого человека, осужденного на изгнание, но у меня нет Евы, и я не ел яблоков, кроме диких и кислых». В другом письме к тому же лицу, из Лиссабона, читаем: «Все, что угодно, лучше Англии, – и до сих пор я бесконечно радуюсь своему путешествию».

²⁰ «Я не намерен переделывать 9-ю строфу Прощания», писал Байрон Далласу, 23 сентября 1811: «у меня нет основания считать свою собаку лучше прочих скотов – людей; а рассказы об Аргусе, как известно, – миф».

10.

Корабль! валы кругом шумят...
Несися с быстротой!
Стране я всякой буду рад,
Лишь не стране родной.
Привет лазурным шлю волнам!
И вам, в конце пути,
Пещерам мрачным и скалам!
Мой край родной, прости!

XIV.

Средь бурных волн Бискайского залива
Плывет корабль; уж пятый день земли
Не видно; наконец, вот миг счастливый:
Желанный берег светится вдали.
Здесь Цинтрских гор блестит хребет зубчатый;²¹
Там океану Того дань несет;²²
Явился местный лоцман провожатый
И Чайльд-Гарольд поплыл к стране богатой,
Где нивы тучные дают обильный плод.

XV.

О Боже! благодатными дарами
Ты этот край волшебный наделил!
В садах деревья гнутся под плодами,
В его горах Ты мир сокровищ скрыл;
Но разрушать то супостаты рады,
Что создал Ты: страну надменный враг
Поработил, не ведая пощады...
Брось на врага карающие взгляды,
И побежденный галл повергнут будет в прах.

²¹ «Иглоподобные» вершины Цинтры (вернее Синтры), на сев. – зап. от Лиссабона, видны с устья р. Тахо.

²² Ср. Овидия, *Amores*, I, 15, и Плиния, *Hist. Natur.*, IV, 22. Небольшие крупинки золота и до сих пор еще находятся в песке Тахо; но их количество совершенно незначительно как, вероятно, было и в древности.

XVI.

Своей неопишуемой красою
Вас Лиссабон всегда пленить готов,
Волшебно отражаемый рекою,
Что чар полна и без прикрас певцов.
Могучий флот по ней несется ныне:
Пришел спасти от галлов Альбион
Тех мест незащищенные твердыни;
Но лузитанец дик и полн гордыни,²³ —
Ту длань, что держит меч, с проклятьем лижет он.

XVII.

Прелестный город, кажущийся раем
Издалека, вблизи совсем иной;
Войти в него – и он неузнаваем;
Средь стен его турист объят тоской.
И хаты, и дворцы, все без изытья,
Купаются в грязи; их вид убог.
В лохмотьях и вельмож, и нищих платье;
О чистоте так смутны их понятия,
Что с ней и страх чумы сроднить бы их не мог.

XVIII.

Кто не жалел, любуясь этим краем,
Что он принадлежит толпе рабов!
На Цинтру бросьте взоры; всякий с раем²⁴
Тот светлый уголок сравнить готов;
Везде в нем дышит прелесть неземная
Но ни перу, ни кисти средства нет

²³ Ср. «Проклятие Миневры». В первоначальном тексте строф XV и XVI были еще более резкие выражения, смягченные, вероятно по совету Далласа. «Сравнивая XVI-ю и следующие 13 строф поэмы с письмами Байрона к матери о своем путешествии, читатель убедится (говорит Томас Мур), что эти строфы являются верным отголоском впечатлений, произведенных на поэта местностями, в которых он побывал».

²⁴ «Деревня Синтра, милях в пятнадцати от Лиссабона, – может быть, красивейшее во всех отношениях место в Европе», писал Байрон своей матери из Гибралтара, 11 августа 1809 «здесь можно видеть красоту всякого рода – природную и искусственную, дворцы и сады, возвышающиеся посреди утесов, водопадов и пропастей, монастыри на страшной высоте, обширный вид на море и на Тахо... Дикость западной горной Шотландии соединяется здесь с зеленью южной Франции. Неподалеку отсюда, миль за десять вправо, дворец Мафра, гордость Португалии; его величественным видом и изяществом могла бы гордиться и любая страна... Соути, редко в чем согласный с Байроном, также писал, возвратясь из своего путешествия по Испании (1801), что «по красоте все английские, а может быть и все вообще виды должны уступить первенство Синтре».

Поняття дать о нем; страна такая
Собою затмевает кущи рая,
Что в пламенных стихах нам описал поэт.

XIX.

Крутой утес с красивым рядом келий;
Сожженный солнцем мох на скалах круч;
Лес, выросший над бездной; мрак ущелий,
Куда не проникает солнца луч;
Лимонов золотистые отливы;
Лазурь морской волны, что сладко спит;
Несущийся с горы поток бурливый;
Здесь виноград, там возле речки ивы, —
Все это тешит взор, сливаясь в чудный вид.

XX.

Тропинкою взберитесь до вершины
Крутой горы, где иноки живут;
Что шаг вперед – то новые картины...
А вот и монастырь;²⁵ вас поведут
Осматривать его; монахи с верой
При том легенд вам много сообщат:
Здесь смерть нашли за ересь лицемеры,
А там Гонорий жил на дне пещеры.²⁶
Он, чтоб увидеть рай, из жизни сделал ад.

XXI.

Средь этих мест встречается не мало
Таинственных крестов,²⁷ – их целый ряд;

²⁵ «Монастырь «Скорбящей Божией Матери», Nossa Señora de Pena, на вершине скалы. Внизу, на некотором расстоянии, находится Пробковый монастырь, где св. Гонорий вырыл себе пещеру, над которою находится его эпитафия. С холмов видно море, отчего пейзаж становится еще красивее». (Прим. Байрона к 1-му изданию). «После напечатания этой поэмы мне было указано (Вальтер Скотом) на ошибочный перевод названия Nossa Senora de Pena; я опустил «тильду», значок над буквой п, от которого изменяется значение слова: со значком pena значит скала, а без значка – pena – скорбь. Я не считаю, однако, необходимым исправлять это место, так как хотя монастырь и называется в общежитии обителью «Божией Матери на скале», но я могу допустить и другое наименование – от суровости принятых здесь правил жизни». (Прим. Байрона ко 2-му изданию).

²⁶ На камне над пещерою высечена надпись в память Гонория (ум. в 159 г., 95 лет). *Nic Honorius vitam finivit Et ideo cum Deo in coelis revivit.*

²⁷ В рукописи – заметка Гобгоуза: «Я не помню там никаких крестов». Эти кресты не произвели на Гобгоуза никакого впечатления, так как он понял, что это – просто путевые знаки. Мэтью Льюкас объясняет в *Athenaeum*, 19 июля 1873, что направление неровной и извилистой тропинки, идущей по горе к монастырю от большой дороги, обозначено

Но те кресты не вера воздвигала:
Они лишь об убийствах говорят.
Обычай здесь на месте преступления,
Там, где звучал последний жертвы стон,
Досчатый ставит крест; не исключенья
Убийства там, где, потеряв значенье,
Не в силах граждан жизнь оберегать закон.²⁸

XXII.

По горам и долам здесь красовались
Чертоги королей, но дни чередой
Прошли, и что ж? – руины лишь остались,
Заросшие кустами и травой.
Вот пышный замок принца. Здесь когда-то
И ты, Ватек, любивший роскошь бритт,²⁹
Дворец построив, зажил в нем богато...
Но ты забыл, что от утех разврата
И сладострастья чар душевный мир бежит.

XXIII.

Ты выбрал, чтоб предаться светлым чарам
Земных утех, тот чудный уголок,
Но, пораженный времени ударом,
Теперь, как те, твой замок одинок.
Его порталы настужь; пусты залы;
От зарослей к дворцу проезда нет.
О, Боже, как ничтожны мы и малы!
Придет пора: дворца как не бывало,

многочисленными крестами, которые Байрон по ошибке счел памятниками будто бы совершенных там убийств.

²⁸ «Хорошо известно, что в 1809 году на улицах и в окрестностях Лиссабона совершались португальцами убийства, жертвами которых были не местные жители, а англичане; их резали чуть не каждый день, и мы не только не получали удовлетворения, но, напротив, нам не позволяли даже вмешиваться, когда мы встречали соотечественника, защищавшегося против своих «союзников». Однажды меня, вместе с моим другом, остановили на людной улице, против открытого магазина, в восемь часов вечера, когда мы ехали в коляске в театр; по счастью, мы были вооружены; не будь этого, – я нисколько не сомневаюсь, что мы послужили бы «украшением рассказа» вместо того, чтобы самим об этом рассказывать. Эти преступления не ограничиваются одной только Португалией; в Сицилии и на Мальте нас убивают, средним числом, по одному каждую ночь, – и ни один сицилианец или мальтиец никогда не бывает наказан!». (Прим. Байрона).

²⁹ «Ватек» – восточная сказка Вильяма Бекфорда, напеч. по-французски в 1784 и по-английски в 1787 г. Байрон очень ценил это произведение. «Я не знаю», говорил он в одном из своих дневников, «откуда автор почерпнул свой рассказ; но по верному изображению обычаев, по красоте описаний и силе фантазии он превосходит все европейские подражания восточному и отличается такою оригинальностью, что кто бывал на Востоке, может подумать, что это – просто перевод». Автор этой сказки, Вильям Бекфорд (1760–1844), сын лондонского лорда-мэра, 18-ти лет от роду получил в наследство миллион фунтов наличными и 100 тыс. ф. годового дохода и был, действительно, в свое время, богатейшим человеком в Англии. Он много путешествовал и, между прочим, провел два года (1794—96) в уединении, в Кинта да-Монсеррате, в трех милях от Синтры.

Пронесется года, его сметая след...

XXIV.

А вот дворец, который с гневным взглядом
Встречает бритт. Когда-то в замке том
Сбиралися вожди; рожденный адом,
Сидел там карлик-черт; одет шутком,
Пергаментною мантией покрытый,
В руке держал он свиток. Имена
Там значились, что в свете знамениты;
Гордяся свитком тем, с враждой открытой
Над победителем смеялся сатана.³⁰

XXV.

Конвенцией он звался. Перед светом
Там собранных вождей он осрамил,
Смутил их ум (но грешен ли он в этом?)
И радость бритта в горе превратил.
Победный лавр попрали дипломаты;
Тот чудный лавр, увы! носить не нам
С тех пор, как в Лузитании богатой
Узнали мы, врагов коварством смяты,
Что победителям, не побежденным, срам.

XXVI.

При имени твоём бледнеют бритты,
О, замок Цинтры! Краскою стыда
Зарделись бы правителей ланиты,
Умей они краснеть. Пройдут года
И все ж потомство, полное презренья,
Позора не забудет тех вождей,
Что, победив, узнали поражение...
Их ожидают в будущем глумленья

³⁰ «Синтская конвенция была подписана во дворце маркиза Мариадьвы. Позднейшие подвиги лорда Веллингтона загладили этот неразумный поступок. Веллингтон действительно сотворил чудеса: может быть, он даже изменил характер нации, примирил предрассудки соперников и уничтожил замыслы неприятеля, никогда не отступавшего пред его предшественниками». (Прим. Байрона). «Перемирие, переговоры, конвенция, исполнение ее постановлений, – все это началось, происходило и закончилось на расстоянии тридцати миль от Синтры и не имело с этим пунктом ни малейшей связи, – ни политической, ни военной, ни местной. Тем не менее, лорд Байрон написал, что конвенция была подписана во дворце маркиза Мариадьвы в Синтре» (Napier, History of the Peninsular War I, 161).

И гневный приговор суда грядущих дней.³¹

XXVII.

Так думал Чайльд, один бродя по горам;
Хоть местностью был очарован он,
Но все же об отъезде думал скором:
Так век порхать для ласточки закон.
Тяжелых дум он здесь изведаль много
И пожалел, немой тоской объят,
Что долго шел греховною дорогой;
К проступкам он своим отнесся строго:
От света истины померк Гарольда взгляд.

XXVIII.

Верхом! верхом!³² – он крикнул и поспешно
Прелестной той страны покинул кров;
Но он уж не влеком мечтою грешной:
Не ищет ни любовниц, ни пиров...
Несется он таинственной дорогой,

³¹ 21 августа 1808 г. сэр Гарри Беррард (1755–1813) был назначен главнокомандующим на место сэра Артура Уэллесли (впоследствии Веллингтон), который в тот же день разбил Жюно при Вимиере. Немедленно Беррард отменил приказ Уэллесли преследовать неприятеля и не воспользовался победой. На следующий же день (22 авг.) на место Беррарда был назначен сэр Гью Дэльримиль, а 23го генерал Келлерман сообщил англичанам предложения Жюно, которые, неделю спустя, были оформлены в так наз. синтсской конвенции, подписанной Келлерманом и Уэллесли. Когда в Англии получено было известие о том, что войска Наполеона были отражены с потерями и что французы, несмотря на это, все-таки получили возможность благополучно выступить из Португалии, генералы подверглись громкому и общему порицанию. Вмешательство Беррарда в планы Уэллесли, конечно, было необдуманно и несвоевременно; но когда уже упущен был удобный момент для преследования неприятеля, тогда принятие предложений Жюно стало уже неизбежным. Военный совет, созванный в Лондоне в январе 1819 г., утвердил перемирие 22 августа и конвенцию; но ни Дэльримиль, ни Беррард уже не получили командования, и только сражение при Талавере (28 июля 1809) изгладило память о Синтре и восстановило репутацию Уэллесли. Стрфы XXIV–XXVI в первоначальной рукописи поэмы имели иную, более распространенную редакцию. Они были переделаны Байроном по настояниям его друзей. Вот их первоначальный текст: I. Вот золотом, потомству в поученье, Начертан в списке господин Жюно; И прочие не лишены значенья, Но в стих вместить их было б мудрено. Победой обольщенные, давно Они за подвиг лавров ожидали И были одурачены равно. Сэр Артур, Гарри и Дэльримиль попали В тенета злых врагов, которым довели. II. Конвенцией зовется демон злобный, Что в Мариальве рыцарей смутил, Отняв их ум (коль был у них подобный), И радость нашу в горе обратил. Когда газетный лист нам сообщил, Что бросил галл равнину Вимиеры, Наперерыв тут каждый заспешил — Все «Хроники», и «Почты», и «Курьеры» — Торжествовать врагов победу свыше мер. III. Вдруг привела конвенция в движение Все перья, руки, ноги, языки; Мэр, альдермэн забыли угошенью; Церковные проснулись парики, И Коббет сам, молчавший от тоски Семь дней, вскочил в порыве чудотворном, Крича, что могут только дураки Себя связать условием позорным. Мычащий зверь взревел – и сном заснул покорным. IV. Все вопияли к Небу... Слыша глас Короны нашей преданных вассалов, Решило Небо строго в тот же час Расследовать поступки генералов. Но Милость их взяла под свой покров, Зане они врагов своих щадили (Иль милостивы судьбы к Бингу были?) Закон для плутов, не для дураков. И так, друзья, – живите на здоровье, Благословляя судей хладнокровье.

³² Байрон и Гобгоуз отплыли из Фальмута 2 июля 1809 г., прибыли в Лиссабон 6-го или 7-го, а 17-го из Альдеи Гальбеги («первая станция от Лиссабона, куда можно попасть только водой») поехали верхом в Севилью. «Лошади здесь превосходные, – мы проезжали по 70 миль в день», писал Байрон Годжсону и своей матери, 6 и 11 авг. 1809.

Не ведая, где пристань обретет;
Он по свету скитаться будет много;
Не скоро в нем уляжется тревога,
Не скоро с опытом знакомство он сведет.

XXIX.

Вот Мафра, где, судьбы узнав измену,
Царица Лузитании жила;³³
Там оргии обедням шли на смену
И дружбу знать с монахами вела.
Блудницы Вавилона светлый гений
Сумел такой воздвигнуть здесь чертог,
Что ряд ей совершенных преступлений
Забыт толпою; люди гнут колени
Пред блеском роскоши, что золотит порок.

XXX.

Гарольд вперед несется, очарован
Красой холмов, ущелий и долин...
Не горестно ль, что цепью рабства скован
Тот светлый край? Лишь сибарит один,
Поклонник ярый комфорта и лени,
Не знает, как отраден дальний путь.
Не мало нам дарит он наслаждений,
Глубоких дум и новых впечатлений;
Как свежий воздух гор живит больную грудь.

XXXI.

Уж Чайльд-Гарольд вершин не видит снежных
Высоких гор, что скрылись без следа,
В Испании среди степей безбрежных
Овец пасутся ценные стада;

³³ «Размеры Мафры громадны: в ней помещаются дворец, монастырь и великолепная церковь. Шесть органов по своему изяществу красивее всех, когда-либо иною виденных; мы их не слышали, но нам говорили, что их звук соответствует их красоте. Мафру называют португальским Эскуриалом» (Прим. Байрона). Мафра построена (1717–1730) королем Жуаном V. «Несчастливая королева впоследствии совершенно сошла с ума, и доктор Уиллис, который вообще очень удачно справлялся с королевскими головами, ничего не мог с нею сделать». (Прим. Байрона). Мария I (1734–1816), бывшая женою своего дяди, Педро III, царствовала сначала вместе с ним (1777—86), а потом одна. Смерть супруга, любимого духовника и затем – сына так на нее подействовала, что королева впала в меланхолию. После 1791 г. она была королевой уже только номинально, а в 1799 г. ее сын Мария-Хосэ-Люис был назначен регентом.

Но близок враг; ему чужда пощада
И потому пастух вооружен;
В обиду своего не даст он стада;
Всем гражданам с врагом бороться надо,
Чтоб гордо властвовать не мог над ними он.

XXXII.

Что земли лузитанцев разделяет
С Испанией? Китайская ль стена?
Сиерра ли там скалы возвышает,
Иль льется Того светлая волна?
Разделены те страны не стеною,
Что их вражде могла платить бы дань,
Не быстро протекающей рекою,
Не цепью гор высоких, сходной с тою,
Что южной Галлии указывает грань.

XXXIII.

Нет, ручейком ничтожнейшим;³⁴ со стадом
Является пастух порою там,
Презрительным окидывая взглядом
Места, принадлежащие врагам.
Простолюдины горды как вельможи
В Испании: понятна их вражда;
Ведь с ними лузитанцы мало схожи:
Они – рабы, при этом трусы тоже;
Рабов подлее их найти не без труда.

XXXIV.

Воспетая в балладах, Гвадиана,³⁵
Пугая взоры мрачною волной,
Близ этих мест течет. Два вражьих стана,
Когда-то здесь сойдясь, вступили в бой.
Здесь рыцари, чтоб счет окончить старый,

³⁴ Если Байрон (ср. строфу XLIII) на пути из Лиссабона в Севилью проезжал по равнине Альбуэры, то он должен был переехать через испанскую границу между Эльвасом и Бадахосом. В таком случае «ручеек» есть речка Кайя.

³⁵ Байрон, по-видимому, уже успел настолько ознакомиться с испанским языком, что был в состоянии понимать и ценить произведения народной поэзии, не имеющей себе ничего подобного в Европе. Он перевел одну из лучших баллад о гренадской войне, «Romance muy doloroso del sitio y toma de Alhama».

Настигли мавров. Долго бой кипел;
Удары наносились за удары;
Чалма и шлем, во время схватки ярой,
Встречались в реке, где плыли груды тел.

XXXV.

О край, стяжавший подвигами славу!
Где знамя, что Пелаг в боях носил,³⁶
Когда отец-изменник, мстя за Каву,
В союзе с мавром, готам смерть сулил?
Ты за погром сумел отмстить жестоко...
Близ стен Гренады враг был побежден;
Померкла пред крестом луна пророка;
Умчался враг, и в Африке далекой
Стал мавританских дев звучать унылый стон.

XXXVI.

Тем подвигом все песни края полны;³⁷
Таков удел деяний прежних лет;
Когда гранит и летопись безмолвны,
Простая песнь их сохраняет след.
Герой, склонись пред силой песнопенья!
Ни лесь толпы, ни пышный мавзолей
Тебя спасти не могут от забвенья;
Порой историк вводит в заблужденье,
Но песнь народная звучит в сердцах людей.

XXXVII.

³⁶ «Дочь графа Юлиана, испанская Елена. Пелайо отстаивал свою независимость в крепостцах Астурии, а потомки его наследников, спустя несколько столетий, завершали свою борьбу с маврами завоеванием Гренады» (Прим. Байрона). «Почти все испанские историки, а также и народное предание, считают причиной нашествия мавров насилие, совершенное королем Родригом над Флориндой, которую мавры звали Кабой или Кавой. Это была дочь графа Юлиана, одного из главных готских полководцев, которому поручена была оборона Сеуты против мавров. Оскорбленный неблагодарностью своего государя и позором дочери, граф Юлиан забыл долг христианина и патриота и, вступив в союз с Мусой, наместником калифа в Африке, поддержал вторжение в Испанию сарацин и африканцев под начальством знаменитого Тарика. Результатом этого вторжения было поражение и смерть Родрига и занятие маврами почти всего полуострова. Испанцы ненавидят память Флоринды и, по словам Сервантеса, никогда не дают этого имени женщине, называя им только собаку (Примеч. Вальтер Скотта. Ср. Пушкина, «Родриг»). «Крест Победы», сделанный из астурийского дуба и служивший знаменем для Пелайо (Пелага) в сражении с маврами при Кангасе (718 г.), по преданию, упал с неба. Он хранится в Овиедо. Мавры были окончательно изгнаны из Гренады в 1492 г., в царствование Фердинанда и Изабеллы.

³⁷ Намек на романсеро и рыцарские поэмы (cabellerias) XVI века.

«Испанцы, пробудитесь!» Так зывают
К вам рыцари, кумиры дней былых;
Хоть копья в их руках уж не сверкают
И красных перьев нет на шлемах их,
В дыму, под рев орудий непрерывный,
Их грозный зов звучит: «Вооружась,
Воспряньте все!» – исполнен силы дивной,
Ужель утратил власть тот клич призывный,
Что в Андалузии сроднил с победой вас?

XXXVIII.

Чу! конский топот слышен среди проклятий;
Кого окровавленный меч настиг?
Ужель спасать вы не пойдете братий
От деспотов и от клеветов их?
Грохочут пушки; залпов их раскаты
Зловеще эхом гор повторены,
Они твердят о том, что смертью взяты
Ряды бойцов. Все ужасом объаты,
Когда является во гневе бог войны.³⁸

XXXIX.

Кровавыми сверкая волосами,
С горы на бойню смотрит исполин;
Он все сжигает гневными очами
И в царстве смерти властвует один.
С ним рядом разрушенья дух лукавый,
Что чествовать победы будет зла.
Сегодня три могучие державы
Сойдутся здесь и вступят в бой кровавый;
Как счастлив исполин, – ему лишь кровь мила!

XL.

Когда среди войск ни друга нет, ни брата,
Вас может восхитить сраженья вид;
Как рати разукрашены богато!

³⁸ Death ride upon the sulphury Siroc, т. е. смерть верхом на удушливом (сернистом) Сирокко. «Сирокко – сильный горячий ветер, дующий по целым неделям в Средиземном море от Архипелага. Его свойства хорошо известны всем, кто проезжал через Гибралтарский пролив». (Прим. Байрона).

Как весело оружие блеснит!
Подобно стае псов, что травле рада,
Несется войско бешено вперед;
Но будет ли для многих лавр наградой?
Храбрейшие погибли в пекле ада:
Бог брани, с радости, всех павших не сочтет.

XLI.

Три армии стеклись сюда для битвы;
Внушительен знамен трех наций вид!
Звучат на трех наречиях молитвы.
Сюда сошлись: испанец, галл и бритт,
Союзник-друг, услужливый без меры
(Не лучше ли в своей отчизне пасть?).
Войска, являя храбрости примеры,
Удобрят только нивы Талаверы
И хищных воронов накормят кровью всласть.³⁹

XLII.

Здесь павшие сгниют; гнались за славой
Безумцы, что искали громких дел;
Они ж служили деспоту забавой.
Он пролагал свой путь чрез груды тел.
Какой же был тот путь? – лишь путь обмана.
Найдется ли на свете уголок,
Что был бы принадлежностью тирана?
Его лишь склеп, где, поздно или рано,
Предастся тленью он, забыт и одинок.

XLIII.

О, Албуэра! славу и кручину

³⁹ Сражение при Талавере началось 27-го июля 1809 и продолжалось два дня. Так как Байрон приехал в Севилью, вероятно, 21-го или 22-го, то он не мог быть очевидцем какой-либо части этого сражения. В письме к матери от 11-го августа он говорит: «Вы слышали о сражении близ Мадрида. В Англии назовут его победой, – хороша победа! Двести офицеров и пять тысяч солдат убито, – и все англичане, а у французов силы не убавилось. Я хотел было присоединиться к армии, по нам надо торопиться к Средиземному морю». В письме к полковнику Малькольму от 3-го дек. 1809 Веллингтон сознается, что результат сражения был скорее нравственный, чем материальный. «Сражение при Талавере, без сомнения, было одно из самых тяжелых сражений в наше время. Жаль, что вследствие несчастной негодности испанцев... слава есть единственный результат, нами достигнутый. Мне предстоит очень трудная задача... При таких обстоятельствах можно потерпеть поражение, но нечестно было бы отклоняться от своего долга».

Ты сочетала. Мог ли мой герой
Предвидеть, чрез твою несясь равнину,
Что скоро в ней кровавый грянет бой?
Пусть павшие вкушают мир забвенья!
Победный лавр пусть радует живых!
Великий день! До нового сраженья
Толпы ты будешь слышать прославленья
И воспоеет тебя поэт в стихах своих...⁴⁰

XLIV.

Довольно воспевать любимцев брани;
Победный лавр их не продолжит дней;
Чтоб мир узнал о славе их деяний,
Должны погибнуть тысячи людей.
Пускай наемщик гонится за славой
И, веря ей, кончает жизнь в бою:
Он дома мог бы в свалке пасть кровавой
Иль, очернен разбойничьей расправой,
Тем опозорить бы отчизну мог свою!

XLV.

Гарольд затем направил путь к Севилье;⁴¹
Она еще свободна от цепей,
Но ей грозят гибель и насилье,
И не спастись от разрушенья ей:
Враги уж в расстояньи недалеком...
Не пали бы ни Илион, ни Тир,
Когда б бороться можно было с роком
И, злобно издеваясь над пороком,
Пред Добродетелью склонялся б грешный мир.

⁴⁰ Сражение при Альбуэре (16-го мая 1811), где англичане, под начальством лорда Бирсфорда, разбили Сульта, было своего рода Пирровой победой. «Еще одно такое сражение и мы пропали», писал Веллингтон. «Большого труда стоит мне все опять поправить». Говорят, что французы потеряли в этом сражении от 8 до 9 тыс. человек, англичане – 4158, испанцы – 1365. Альбуэра прославлена Вальтер Скоттом в его «Видении короля Родерика». В октябре 1811 вышла анонимная поэма: «Сражение при Альбуэре».

⁴¹ «В Севилье», писал Байрон матери в августе 1809 г., – «мы жили в доме двух незамужних испанок, женщин с характером. Старшая – красавица, младшая недурна. Свобода обращения, здесь общепринятая, меня несколько не удивила; а из дальнейших наблюдений я убедился, что сдержанность не составляет отличительной черты испанских красавиц. Старшая почтила вашего недостойного сына совершенно особым вниманием, с большою нежностью обняла его при отъезде (я пробыл там всего три дня), отрезала прядь его волос и подарила собственный локон, фута в три длиною, который я вам посылаю и прошу сберечь до моего возвращения. Ее последние слова были, «Adios, tu hermoso; me gusto mucho», – прощай: красавец; ты мне очень понравился!»

XLVI.

Но граждане Севильи, бед не чуя,⁴²
По-прежнему разгулу преданы
И дни проводят, радостно ликуя;
Им дела нет до язв родной страны!
Звучит не бранный рог, а звон гитары;⁴³
Веселию воздвигнут здесь алтарь;
Грехи любви, что не боятся кары,
Ночной разврат и сладострастья чары
В Севилье гибнущей все царствуют, как встарь.

XLVII.

Не так живет крестьянин; он с женою
Скрывается, боясь взглянуть на дол,
Что может быть опустошен войною...
Прошла пора, когда он бодро шел
В вечерний час домой, покинув нивы,
И танцевал фанданго при луне.
Властители! когда б тот мир счастливый,
Что вы губить не прочь, вкусить могли вы,
Народ бы ликовал, не слыша о войне.

XLVIII.

Лихой погонщик, мчась дорогой ровной,
Поет ли песнь возлюбленной своей,
Кантату ль в честь любви, иль гимн духовный?
Нет, он теперь поет Viva el Rey!⁴⁴
Воинственны слова его напева,
Годоя⁴⁵ он клянет за лживый нрав;

⁴² В конце января 1810 г. французские войска подошли к Севилье; этот веселый город не последовал примеру Сарогосы и Хероны и после непродолжительных переговоров сдался со всеми своими запасами, пушечными заводами и полным арсеналом.

⁴³ Гитара – не точный перевод. В подлиннике Rebeck – музыкальный двухструнный смычковый инструмент, занесенный в Испанию, как полагают, маврами.

⁴⁴ «Viva eu Roy Fernando!» – да здравствует король Фердинанд! – припев большей части испанских патриотических песен. В них, главным образом, осуждается старый король Карл, королева и «князь мира». Я слышал их много; напев некоторых из них красив. «Князь мира» Годой, потомок древней, но захудавшей фамилии, родился в Бадахосе, на границе Португалии, и сначала служил в рядах испанской гвардии; затем он обратил на себя внимание королевы и сделался герцогом Алькудийским и пр. и пр. Этого человека все испанцы винят в разорении своей родины». (Прим. Байрона).

⁴⁵ Мануэль де Годой (1767–1851) получил титул «Князя мира» (Principe de la Paz) в 1795 г., после Базельского договора, по

При этом вспоминает, полный гнева,
Что вверилась Годую королева,
Преступную любовь изменой увенчав...

XLIX.

Равнина, окаймленная скалами,⁴⁶
Где башни мавританские видны,
Была недавно попорана врагами:
Сроднились с ней все ужасы войны...
Здесь ядер след; там луг, конями смятый;
А вот гнездо дракона; у врага
Толпой крестьян те скалы были взяты,
С тех пор они для всех испанцев святы:
Над неприятелем победа дорога.

L.

Кого не встретишь здесь с кокардой красной?⁴⁷
Она убор отчизны верных слуг;
Взглянувши на нее, испанцу ясно,
Что перед ним не злобный враг, а друг;
Беда пренебрегать ее защитой, —
Кинжал остер, удар неотразим!
Давно б враги уж были перебиты,
Когда бы мог кинжал, под платьем скрытый,
Зазубрить вражий меч иль скрыть орудий дым.

которому более половины острова Сан-Доминго уступлено было Франции. Время, когда он был первым министром и главным начальником королевской полиции, было временем политического упадка Испании, и еще до начала войны общественное мнение видело уже в нем виновника разорения и унижения страны. Его карьера окончилась прежде, чем Байрон начал свое путешествие. Во время восстания в Аранхуэсе, 1719 марта 1808 г., когда Карл IV отрекся от престола в пользу своего сына, Фердинанда VII, Годой был спасен от ярости народа только заключением в тюрьму. Затем, в мае, когда сам Фердинанд был уже увезен пленником во Францию, Годой, по настоянию Мюрата, был освобожден, и ему приказано было сопровождать Карла в Байонну и убеждать своего бывшего государя вторично отречься от престола в пользу Наполеона. Остальное время своей долгой жизни он провел сначала в Риме, а потом – в Париже, в изгнании и нужде. По словам историка пиренейской войны, Нэпира, ненависть к Годую, который в действительности был мягким и добродушным человеком, объясняется испанскою злобой и национальными предрассудками. Его предательство было, по крайней мере, настолько же результатом интриг Фердинанда, насколько следствием его собственного честолюбия. Другое и, может быть, более верное объяснение народной ненависти к Годую заключается в его предполагаемом безбожии и хорошо известном равнодушии к церковным обрядам, на которое еще на много лет перед тем обращено было внимание инквизиции. Крестьяне проклинали Годоя, потому что попы радовались его падению.

⁴⁶ С высот Сиерра-Морены путешественникам открывается вид на «длинную равнину» Гвадалкивира и на горы Ронды и Гранады с их фортами, «прилепившимися повсюду точно орлиные гнезда». Французы, под начальством Дюпона, вступили в горы Морены 2-го июля 1808 г.; 7-го июня они овладели мостом у Алколеи и заняли Кордову, но 19-го июля были разбиты при Байлене и принуждены сдать. Следы этих сражений и видел Байрон. «Драконово гнездо» – древняя цитадель Хаэн, охраняющая окраины Сиерры «как сторожевой чербер». Она была взята французами, но снова отбита у них испанцами в начале июля 1808 г.

⁴⁷ «Красная кокарда с вензелем Фердинанда VII». (Прим. Байрона).

LI.

На выступах высоких скал Морены
Орудья смертоносные блестят;
Здесь новых укреплений видны стены,
А там ряды зловещих палисад;
Все войско под ружьем; спустив запруду,
Глубокий ров наполнили водой;
Ждут приступа; глядя на ядер груды,⁴⁸
На часовых, расставленных повсюду,
Не трудно отгадать, что скоро грянет бой.

LII.

Властитель, расшатавший в мире троны,
Еще не подал знака; медлит он,
Но скоро в ход он пустит легионы,
Что ни преград не знают, ни препон;
Вести борьбу напрасны все усилия
С бичом судьбы. Испанцы! близок час,
Когда над вами гальский коршун крылья
Победно развернет, суля насилья
И целым сонмищем сродняя с смертью вас!

LIII.

Ужель должны отвага, юность, сила
Погибнуть, чтобы славой громких дел
Гордиться мог тиран?⁴⁹ Ужель могила
Иль рабства гнет Испании удел?
Ужель напрасны вопли и моления?
Ужель спасти Испанию от бед
Не могут ни героя увлеченья,
Ни юности отважные стремленья,
Ни патриота пыл, ни мудрости совет?

⁴⁸ В подлиннике не груды, а «пирамида». «Кто видал батареи, тот помнит пирамиды, в которые складываются ядра и гранаты. В Сьерре-Морене были укреплены все проходы, через которые я проезжал по дороге в Севилью». (Прим. Байрона).

⁴⁹ С течением времени взгляд Байрона на Наполеона изменился; он колеблется между сочувственным удивлением и неохотным порицанием. Но в ту пору, когда написана была эта строфа, поэт был увлечен героическим сопротивлением Испании «новому Алариху, презирающему весь мир», и Байрон выражался о Наполеоне тоном Соути. Ср. ниже, песнь III, строфы XXXVI и XXXVII.

LIV.

Испанки позабыли звон гитары;
Вступив в ряды солдат, лишь гимн войне
Они поют. Как метки их удары!
Разя врагов, летят вперед они...
Вид легкой раны, крик совы, бывало,
Их приводили в дрожь; теперь ни меч,
Ни острый штык их не страшат нимало;
Там, где бы даже Марсу страшно стало,
Они Минервами идут средь грома сеч...

LV.

Когда б вы Сарогоссы деву знали
В то время как светило счастье ей,
Когда б ее глаза черней вуали
Вы видели и шелк ее кудрей,
Когда б ваш слух ее ласкали речи, —
Вы не могли б поверить, что с враждой
Она искать с войсками будет встречи
И с ними, не страшась опасной сечи,
Близ сарогосских стен в кровавый вступит бой.

LVI.

Ее любовник пал, – она не плачет;⁵⁰
Пал вождь, – она становится вождем...
Удерживает трусов; храбро скачет
Пред войском, чтобы с дрогнувшим врагом
Покончить; отомстить она сумеет
За друга и за павшего вождя;

⁵⁰ Таковы были подвиги Сарогосской девы, которая в своей храбрости достигла высшего героизма. В бытность автора в Севилье она ежедневно прогуливалась на Прадо, украшенная медалями и орденами, пожалованными Хунтой». (Прим. Байрона). Соути рассказывает (вероятно, по книге Вогана «Осада Сарогоссы»), что «Августина Сарогосса (sic!), красивая женщина из низшего класса, лет 22-х», маркизанка, зашла однажды с припасами на батарею у ворот Портелло. Артиллеристы все были перебиты и так как граждане не решились войти на батарею, то Августина, пренебрегая опасностью, подскочила к одному убитому, выхватила у него из рук фитиль и выстрелила из 26-фунтового орудия; затем, вскочив на пушку, дала торжественное обещание не расставаться с нею во все время осады». После отступления французов Августине назначена была пенсия и суточные деньги по артиллерийскому положению. Ей дано было также право носить на рукаве особую нашивку со словом «Сарогосса». Нэпир, не вполне доверяя этим подвигам, но и не вполне отрицая их», замечает, что «долгое время спустя Испания еще кишела Сарогосскими героинями, одетыми в полувоенное платье и театрально украшенными гербами».

Она бойцов лучом надежды греет;
Пред нею галл трепещет и бледнеет,
Средь стен разрушенных оплота не найдя.

LVII.

Не потому отважна так испанка,
Что амазонки в ней струится кровь, —
О, нет, ее услада и приманка —
Исполненная страстности любовь.
Она разит врагов, но так злодею
За гибель голубка голубка мстит.
Жен стран иных сравнить возможно ль с нею?
Им не затмить ее красотой своею,
Она же доблестью и силой их затмит.

LVIII.

Амур оставил след перстов небрежных
На ямках щек испанки молодой,⁵¹
Ее уста – гнездо лобзаний нежных,
Что может в дар лишь получить герой...
Ее глаза душевным пышат жаром;
Ей солнца луч не враг: еще нежней
Ее лицо, одетое загаром;
Кто грань найдет ее всеильным чарам?
Как дева севера бледнеет перед ней!⁵²

LIX.

В стране, что бард уподобляет раю,
Где властвует гарем, в своих стихах
Я красоту испанок прославляю
(Пред ней и циник должен пасть во прах).
Здесь гурии скрываются от света,

⁵¹ Примечание Байрона к этому месту: *Sigilla in mento impresso Amoris digitulo Vestigio demonstrant mollitudinem*. Aul. Gell. Эти стихи находятся не у Авла Геллия, а у грамматика Нония Марцелла, который цитирует их из М. Теренция Варрона. В подлинном тексте вместо *sigilla* читается: *laculla*.

⁵² В письме к матери от 11 авг. 1809 г. Байрон сравнивает «испанский стиль» красоты с английским, к невыгоде для последнего: «Длинные черные волосы; темные и томные глаза; светло-оливковый цвет лица; формы, изящество которых в движении выше всего, что может себе представить англичанин, привыкший к сонным, небрежным фигурам своих соотечественниц, – все это в соединении с вполне подходящим и в то же время очень скромным костюмом, делает красоту испанки неотразимой». Впрочем, в Дон Жуане (п. XII, ст. LXXIV–LXXVII) сделана оговорка в пользу британских красавиц.

Чтоб их амур не мог увлечь с собой,
А первообраз рая Магомета —
Испания – ужель не верно это?
Там гурий неземных витает светлый рой.

LX.

Парнас! я на тебя бросаю взоры;⁵³
Передо мной в величьи диком ты...
На снежные твои гляжу я горы;
Они – не греза сна иль плод мечты;
Понятно, что в объятых вдохновенья
Я песнь пою. В присутствии твоём
Скромнейший бард строчит стихотворенье,
Хоть муза ни одна, под звуки пенья,
На высотах твоих не шелохнет крылом...

LXI.

Не раз к тебе моя мечта летела;⁵⁴
Как жалок тот, кто не любил тебя!
И вот к тебе я подхожу несмело,
О немощи моих стихов скорбя...
Дрожу я и невольно гну колени,
Поэтов вспоминая прежних дней;
Не посвящу тебе я песнопений, —
Доволен я и тем, что в упоеньи
Короною из туч люблюся твоей.

LXII.

Счастливей многих бардов, что в Элладу

⁵³ «Эти строфы написаны в Кастри (Дельфос), у подножия Парнасса, который теперь зовется Лиаккура». (Прим. Байрона). Вершину Парнасса нельзя видеть из Дельф или окрестностей этого города. Прежде, чем эта строфа была написана «у подножия Парнасса» (10-го декабря), Байрон впервые увидел «облеченную в снег» величественную гору на пути в Востоку (на южном берегу Коринфского залива), куда он прибыл 5-го, а выехал оттуда 14-го декабря. «Эхо», прославленное в древности (Юстин, Hist., кн. 24, гл. 6) производится Федриадами, или «блестящими вершинами» и крутыми скатами из красного и серого известняка, при входе в обращенную к югу долину Плиста.

⁵⁴ «Направляясь в 1809 г. к дельфийскому источнику (Кастри), я увидел двенадцать летящих орлов (Гобгоуз думал, что это были коршуны, – по крайней мере, он говорит так) и принял это за доброе предзнаменование. За день перед тем я сочинил стихи к Парнасу (в Чайльд-Гарольде) и, смотря на этих птиц, надеялся, что Аполлон благосклонно принял мою жертву. И действительно, я пользовался репутацией и славой поэта в поэтический период жизни (от 20 до 30 лет). Останется ли за иной эта слава, – это другое дело; но я был почитателем божества и священного места, и благодарен ему за то, что им для меня сделано. Предавая будущее в его руки, как предал прошедшее». (Байрон, Дневник 1821).

Могли переселяться лишь мечтой,
Я, не скрывая тайную отраду,
Волненья полн, стою перед тобой.
Приюта Феб здесь больше не находит.
Жилище муз могилой стало их,
А все с священных мест очей не сводит
Какой-то дух и средь развалин бродит,
С волной и ветерком шепчась о днях былых.

LXIII.

Пока прости! Я прервал нить поэмы
И позабыл, чтоб чествовать тебя,
Сынов и жен Испании. Их все мы
Глубоко чтим, свободы свет любя.
Я плакал здесь. Свое повествованье
Я буду продолжать, но разреши
Листок от древа Дафны на прощанье
Сорвать певцу!.. Поверь, что то желанье
Доказывает пыл, не суетность души.

LXIV.

В дни юности Эллады, холм священный,
Когда звучал пифический напев
Дельфийской жрицы, свыше вдохновенной,
Ты не видал таких красивых дев,
Как те, что в Андалузии тревогой
Желаний жгучих нежно взрощены.
Как жаль, что не проходит их дорога
Средь мирных кущ, которых здесь так много,
Хоть с Грецией давно простились славы сны.

LXV.

Своим богатством, древностью и силой⁵⁵
Горда Севилья, полная утех,
Но Кадикс⁵⁶ привлекательнее милый,

⁵⁵ Севилья у римлян называлась Гисналисом. (Прим. Байрона).

⁵⁶ В первом своем письме из Испании (к Ф. Годжсону, 6-го авг. 1809) Байрон восклицает: «Кадикс, милый Кадикс! Это – первое место в мире. Красота его улиц и домов уступает только любезности его жителей. При всем национальном предубеждении, я должен признать, что здешние женщины по красоте настолько же выше англичанок, насколько испанцы

Хоть воспевать порочный город грех.
Порок! в тебе живая дышит сладость;
Как весело идти с тобой вдвоем;
Соблазнами ты привлекаешь младость,
Даря и упоение, и радость...
Ты гидра мрачная, но с ангельским лицом...

LXVI.

Когда Сатурн, которому подвластна
Сама Венера, стер с лица земли
Без сожаленья Пафос сладострастный, —
В страну тепла утечи перешли
И ветреной, изменчивой богини
Перенесен был в Кадикс светлый храм
(Венера лишь верна морской пучине,
Ее создавшей). В Кадиксе донныне
Пред ней и день, и ночь курится фимиам.

LXVII.

С утра до ночи, с ночи до рассвета
Здесь льется песнь; цветами убрана
Толпа, любовью к пиршествам согрета,
Веселью и забавам предана.
Зов мудрости считают там напастью,
Где нет конца разгулу и пирам,
Где истинная вера в споре с властью;
Молитва здесь всегда в союзе с страстью
И к небу лишь летит монахов фимиам.

LXVIII.

Вот день воскресный. День отдохновенья
Как христианский чествует народ?
На праздник он стремится, полн волненья...
Вы слышите ль, как царь лесов ревет?
Израненный, врагов смущая карой,
Он смерть коням и всадникам сулит;
Нещадные наносит он удары;

Ликуют все, любуясь схваткой ярой,
И взоры нежных дам кровавый тешит вид.

LXIX.

День отдыха, последний день седмицы,⁵⁷
Что посвящен мольбе, как Лондон чтит?
Принарядясь, покинуть шум столицы
И духоту ее народ спешит.
Несутся света сливки и подонки
В Гамстэд, Brentford иль Геро. Устают
Иная кляча так от этой гонки,
Что, сил лишаясь, стать должна к сторонке;
Ее догнав, над ней глумится пешеход.

LXX.

Снуют по Темзе, пышно разодеты,
Красавицы; иным шоссе милей,
А тех влечет к себе гора Гай-Гэта,
Ричмонд и Вер. О Фивы прежних дней!
Зачем здесь жен и юношей так много?⁵⁸
На тот вопрос ответить мне пора:
Всем исстари известною дорогой
Идет народ, спеша на праздник Рога,⁵⁹
Где после выпивки танцуют до утра.

⁵⁷ Байрон, как он сам намекает в предисловии к Ч.-Гарольду, первоначально имел намерение ввести в свою поэму несколько «вариантов» шуточного или сатирического содержания. Битти, Томсон, Ариосто были достаточными для него авторитетами в этом отношении. Строфы о синтрской конвенции и четыре заключительные строфы I песни, написанные в этом стиле, были исключены по настоянию Далласа, Меррея или Джиффорда. Из одного письма к Далласу (21-го авг. 1811) видно, что Байрон почти уже решился исключить «две строфы в шутовском роде о лондонском воскресенье». Но они были оставлены в тексте, вероятно, потому, что в них нет личных намеков, – и, по выражению Мура, «обезобразили» поэму.

⁵⁸ «Это было написано в Фивах, следовательно – в наилучшем месте для такого вопроса и для ответа на него: не потому, что это – родина Пиндара, а потому, что это – столица Беотии, где была предложена и разрешена первая загадка». (Прим. Байрона). Байрон приехал в Фивы 22 декабря 1809 г. «Первой загадкой» он называет, конечно, знаменитую загадку Сфинкса, – прототип беотийского остроумия.

⁵⁹ None в своей «Everyday Book» (1827) дает подробное описание существовавшего в Гай-Гэте обычая «клятвы на рогах». «Рога укрепляются на палке футов в пять длиною, которая втыкается в землю. Рядом становится человек, дающий клятву. Он должен снять шляпу», и др. Самая клятва или, вернее, небольшая часть ее, заключается в следующем: «Заметьте хорошенько, что я вам скажу, ибо это есть первое слово вашей присяги, – помните же это! Вы должны признавать меня (землевладельца) вашим названным отцом, и пр... Вы не должны есть черного хлеба, когда можно достать белого, кроме того случая, когда вы больше любите черный. Вы не должны пить слабого пива, если можно достать крепкого, – кроме того случая, когда вы больше любите слабое. Вы не должны целовать служанку, если можете целовать барыню; а чтобы не терять удобного случая, лучше целовать обеих», и пр. Говорит, эта шутовская присяга выдумана пастухами, посещавшими Gate House и пожелавшими завести там трактир.

LXXI.

Все предаются странностям невольно,
Но Кадикса не перечеть причуд;
Лишь утром звон раздастся колокольный,
Все в руки четки набожно берут
И к Деве Непорочной шлюют моленья
(Во всей стране и не найти другой),
Проя грехов бессчетных отпущенья...
Затем все рвутся в цирк, где в упоеньи
И бедный, и богач глядят на смертный бой.

LXXII.

Пуста еще арена, а как много⁶⁰
Здесь всяких лиц! Все здание полно;
Призывного еще не слышно рога,
Меж тем уж мест свободных нет давно...
Все гранды тут; наносят раны взгляды
Красивых дам; но так добры они,
Что жертв им жаль; они помочь им рады,
На холод донн, не знающих пощады,
Поэтов жалобы бессмысленны вполне.

LXXIII.

Но вот умолкло все. В плюмажах белых
Отряд въезжает всадников лихих;
Они готовы к ряду схваток смелых;
Гремят их шпоры, блещут копья их
И шарфы развеваются. Собранье
Поклоном встретив, мчат они коней...
Их ждут, когда удастся состязанье,

⁶⁰ Участники боя быков разделяются на три или четыре группы: чуло или пехотинцы, бандерильеры или метатели дротиков, конные пикадоры и, наконец, матадоры или эспады, которые убивают быка. Каждый бой быков, продолжающийся минут 20, распадается на три отделения или действия. В первом действии пикадоры вызывают нападение быка, обыкновенно только защищаясь, но не атакуя его своими копьями (*garrochas*). Во втором действии пешие чуло размахивают перед глазами быка цветными плащами или платками, стараясь отвлечь его ярость от пикадоров, если последним приходится плохо. В то же самое время бандерильеры стараются воткнуть в шею быка с каждой стороны по несколько зазубренных дротиков, украшенных резаными бумажками, а иногда снабженных фейерверком. Считается необходимым втыкать эти дротики непременно с обеих сторон. В третьем и последнем действии единственным действующим лицом является матадор или эспада. Размахивая мулетой или красным флагом, он вызывает нападение быка и, стоя прямо перед ним, наносит ему шпогой смертельную рану под левую лопатку.

Улыбки дам, толпы рукоплесканья...
Не так ли чувствуют героев и вождей?

LXXIV.

В блестящем платье, в мантии нарядной
Стоит средь круга ловкий матадор;
Ему вступить в борьбу с врагом отрадно,
Но он пред тем вокруг бросает взор:
Спасенья нет, коль встретится преграда!
Лишь дротиком одним вооружась,
Он издали с царем сразится стада;
Ведь пешему остерегаться надо...
В бою как часто конь от бед спасает нас.

LXXV.

Вот подан знак; уж трижды протрубила
Сигнальная труба, разверзлась дверь;
Все смолкло и, кнутом ударен с силой,
Ворвался в цирк дышащий злобой зверь...
Его глаза, что кровию налиты,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.